

XVII века, не говоря уже о столетии после петровских преобразований. Научные сведения, включенные в «Великую науку», прежде всего космологические и биологические представления ее автора, почерпнуты из архаических для его времени источников, целиком относятся к средневековью и не отражают состояния ни западноевропейской, ни русской науки и образованности конца XVII века.²⁸

Исходя из этого, В. П. Зубов сводит все значение «Великой науки» к роли руководства по риторике: «Вся техника люллианского круговращения была у нас на Руси ориентирована в основном в сторону риторики». «Великая наука», по мнению В. П. Зубова, — не энциклопедия, а «пособие для оратора».²⁹

Интерес русского общества конца XVII—начала XVIII веков к вопросам ораторского искусства беспорен; его подтверждают и приведенные В. П. Зубовым данные о появлении в 1698—1710 годах целого ряда переводных и оригинальных пособий по риторике. Однако автор «Великой науки» не только не ограничивается вопросами риторики, но и не уделяет им преимущественного внимания. Его интересуют «вся естества всех прочих наук, вся основания их, вся существа, все случаи, все вины, все страсти, действия, начала, посредства, окончания; кратко рекше — все, яже в мире малыя и великия вещи, созданныя и несозданныя, тая наука описует и беседовати о них наставляет».³⁰

«Великая наука», по определению автора книги, «есть мудрость подлинная и светлая, являющая о своем подлежащем страсти, чрез первыя нужныя и непоколебимыя начала подвижающаяся... Предлежащее сея науки есть естество, не определенное никоим разньством, вышшее всех естеств, протчими науками рассуждаемых... Сея науки правила всем обще наукам нужныя суть».³¹

Следует отметить при этом оригинальное понимание предмета «Великой науки» А. Х. Белободким (или автором использованного им комментария). В отличие от самого Люллия, рассматривавшего философию, в соответствии с принципами средневекового мировоззрения, в качестве верной служанки теологии, а в своем «искусстве» видевшего орудие распространения христианства, А. Х. Белободкий противопоставляет «великую науку» богословию, ставит ее выше последнего: «Богословия (*theologia* А. Х. Белободкий переводит на русский язык существительным женского рода, — А. Г.) об одной вещи токмо поучает, о бозе и ему причитаемых вещей... Но сия наука о всех прочих науках поучает, тем же соборнейша есть не токмо богословии, но и всех мудростей... Понеже поучает о бозе, достоинстию равняется с богословиею; сверх того понеже наставляет разум и о простых художествах, нужнейшая богословии есть». Люллиева «наука», по мнению автора, «всех наук и богословии самая вышшая есть, и правила яко протчим наукам, тако и богословии полагает».³²

²⁸ Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России, стр. 53—65; Т. Райнов. Наука в России XI—XVII веков, части I—III. М.—Л., 1940, стр. 434, 466.

²⁹ V. P. Zoubov. Quelques notices sur les versions russes des écrits et comentaires lulliens. Separata de Estudios lullianos, t. III, fasc. I, Palma de Mallorca, 1958, стр. 63—66; В. П. Зубов. К истории русского ораторского искусства конца XVII—первой половины XVIII в., стр. 290—295.

³⁰ ГПБ, Ф. III. 1, л. 4об.

³¹ Там же, лл. 7об.—8, 10.

³² Там же, лл. 5, 8об.—9. В этом противопоставлении не следует видеть какой-либо антирелигиозной тенденции: автор или «прелагатель» «Великой науки» стоит на позициях ортодоксального православия и полемизирует как с язычниками и еретиками, так и с «афеистами». Там же, лл. 180—181, 354 об.